
ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

В. В. ВАРАВА, Т. М. МАХАМАТОВ

НОВЫЕ ФОРМЫ ЭКЗИСТЕНЦИИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Ч. АЙТМАТОВА

Предметом статьи являются экзистенциально-философские мысли Чингиза Айтматова, в которых он выявляет общую для всего живого экзистенцию. Тем самым он демонстрирует единство судьбы человека и природы. В статье авторами впервые исследуются раскрытые Ч. Айтматовым новые формы проявления экзистенции как его вклад в развитие современной экзистенциальной философии. Обосновывается мысль о том, что великий киргизско-русский писатель в своем творчестве углублял и развивал традиции литературной экзистенциальной философии Ф. Достоевского, Н. Бердяева, А. Камю, К. Гамсуна, Г. Маркеса и других. На основе анализа сцен различных произведений Чингиза Айтматова и сравнения их с положениями философии экзистенциализма авторы приходят к выводу, что им раскрыты проявления экзистенциального начала в совершенно различных феноменах человеческого и природного мира, духовного и физиологического бытия, будь то дети, звери, смерть, нравственный выбор и т. д. Выявленные в ходе исследования формы экзистенций в произведениях Чингиза Айтматова не встречаются у классиков экзистенциализма, что демонстрирует новизну философских мыслей писателя-философа. В результате анализа экзистенциальной философии в произведениях Айтматова обосновывается вывод, что он стал писателем-философом, внесшим огромный вклад в философию экзистенциализма; его вклад в развитие и углубление экзистенциализма еще раз свидетельствует, что дальнейшая эволюция экзистенциальной философии будет происходить в основном в лоне художественной литературы.

Ключевые слова: литература, философия, экзистенция, этика, природа, животные, человек, смерть, добро и зло, покаяние.

The subject of the article is the existential and philosophical thoughts of Chingiz Aitmatov, in which he reveals a common existence for all living things. Thus, it demonstrates the unity of the fate of man and nature. In the article, the authors for the first time investigate the new forms of existence revealed by

CH. Aitmatov as his contribution to the development of modern existential philosophy. The author substantiates the idea that the great Kyrgyz-Russian writer in his work deepened and developed the traditions of literary existential philosophy. Dostoevsky, N. Berdyaev, A. Camus, K. Hamsun, G. Marquez and others. Based on the analysis of scenes from various works of Chingiz Aitmatov and their comparison with the philosophical positions of existentialism, the authors come to the conclusion that they have revealed the manifestations of the existential principle in completely different phenomena of the human and natural world, spiritual and physiological existence, be it children, animals, death, moral choice, etc. The forms of existences revealed in the course of research in the works of Chingiz Aitmatov are not found in the classics of existentialism, which demonstrates the novelty of the philosophical thoughts of the writer-philosopher. The achievements of this research are due to the use of methods of hermeneutics, system-comparative analysis and philosophical generalization. As a result of the disclosure of existential philosophy in Aitmatov's works, the conclusion is justified that he was not only one of the great humanist writers, but also became a writer-philosopher who made a huge contribution to the philosophy of existentialism; his contribution to the development and deepening of existentialism indicates that the further evolution of existential philosophy will occur mainly in the bosom of fiction.

Keywords: literature, philosophy, existence, ethics, nature, animals, man, death, good and evil, repentance.

Введение

Современный философский дискурс отличается особой междисциплинарностью, постоянным выходом за рамки строго очерченного научного философствования. Одним из наиболее ярких показателей этого процесса является тонкая, глубокая и уже неустраняемая взаимосвязь литературы и философии экзистенциализма [Malpas 2012]. Эта взаимосвязь в равной мере характеризует и русскую, и западную философские культуры. Весьма показательным в этом контексте рассуждение Г. Гадамера о «нищете послегегелевской философии», о котором он писал в статье 1977 г. «Философия и поэзия».

В следующих словах Гадамера емко схвачена суть процесса трансформации европейской философской традиции, которая характеризует и современный философский процесс. Он пишет: «В XIX и XX вв. университетская философия утратила свое значение, причем произошло это не просто из-за обращенных против нее гнев-

ных тирад Шопенгауэра. Это случилось потому, что она уступила место великим неакадемическим философам и писателям масштаба Кьеркегора и Ницше, а еще более потому, что она была отодвинута в тень целым созвездием великих романистов, прежде всего французскими – Стендалем, Бальзаком, Золя – и русскими писателями – Гоголем, Достоевским, Толстым» [Гадамер 1991: 116].

Для нас важным является факт постановки крупнейшим западным философом русских писателей-мыслителей в ряд великих романистов, сменивших философскую парадигму. Очевидно, что Г. Гадамер не мог сказать о русских писателях XX в., продолживших эту традицию, в том числе и о таких знаковых фигурах философско-литературного процесса, как А. Платонов и Ч. Айтматов. Именно этим писателям принадлежит постановка наиболее острых и фундаментальных проблем человеческого бытия в экзистенциальном ключе и раскрытие ими факта, что не бывает человеческого индивида без экзистенции, которая имеет разные формы и направленности – положительной, негативной, агрессивной, нигилистической, оптимистической. Однако исследований творчества многих известных писателей XX в. как философов-экзистенциалистов очень мало, подобного рода исследование по Чингизу Айтматову вообще отсутствует. Например, в работах А. Акматалиева и других авторов в пятитомном издании «Исследования, статьи, выступления (о творчестве Ч. Айтматова)» [Акматалиев, Ыйсаева и др. 2010–2018] говорится о морально-этическом, гуманистическом аспектах в произведениях Ч. Айтматова. Однако не встречаются рассуждения о раскрытии писателем экзистенциального мира человека через образы своих героев. В этом отношении наше исследование является одним из первых трудов, посвященных экзистенциальной философии этого великого писателя-философа, который развил данное направление философской мысли и раскрыл ранее не исследованные формы проявления экзистенции.

Основные аналитические подходы к творчеству Чингиза Айтматова

Остановимся более подробно на рассмотрении философских воззрений Ч. Айтматова, интерес к которому в современной литературе заметно возрастает. О масштабности этой фигуры говорить излишне, и все же следующие слова, сказанные к 90-летию юби-

лею писателя, мы приведем, поскольку они отражают некоторую сформировавшуюся тенденцию. К. У. Камбарова пишет: «В эти дни 90-летие со дня рождения писателя, философа и общественно-го деятеля Чингиза Айтматова, равному которому не знает современная мировая литература. Это объясняется тем, что Ч. Айтматов не просто писатель, со своей самобытной художественной системой изображения, а писатель-мыслитель, писатель-философ. Именно эта сторона его личности привлекает внимание всей мировой общественности, так как в своем творчестве он ставит общечеловеческие, самые насущные нравственно-философские проблемы бытия» [Камбарова 2018: 129].

В этих словах четко зафиксирована философская линия творчества писателя как основополагающая. Несмотря на явную философичность творчества Айтматова, именно этот аспект еще недостаточно исследован. Исключение представляют собой работы известного литературоведа и философа С. Г. Семеновой, в которых еще с 80-х гг. XX в. творчество Айтматова было панорамно осмыслено в философском ключе [Семенова 1989; 2004; 2016].

Кроме этого, следует назвать также работы Г. Гачева [1989], А. С. Жантаева, З. Т. Исакбаевой [2018], А. Г. Коваленко [2015], Т. Мехмета [2016], Ж. Сааданбекова [2013], Р. М. Сырдыбаевой [2014], в которых затрагиваются различные философские аспекты творчества Айтматова. В большинстве работ, посвященных Айтматову, его творчество характеризуется как гуманистическое, а он предстает как гуманист высочайшего уровня, способствовавший развитию диалога культур, сближению народов, выработке общечеловеческих ценностей и т. д. «Уходя корнями в две великие цивилизации – восточную и западную, – пишет М. А. Черняк, – проза Айтматова имела особый культурологический смысл и давала возможность услышать диалог двух культур, происходящий в душе одного человека» [Черняк 2014: 65].

С. Г. Семенова относит творчество Айтматова к «натурфилософской прозе», поскольку главный вопрос в ней – это «вопрос о природе человека, о его отношении к вечным реальностям бытия: природе, ее тварям, космосу, другим людям, жизни и смерти, вопрос о корнях зла в человеческой природе, о возможности ее восхождения или опасности нисхождения, об угрозе антропологической катастрофы» [Семенова 2016: 806].

При всей справедливости этой и подобной оценок нас прежде всего интересует экзистенциальный пласт мысли Айтматова. Человек во всей обнаженности своего духовного естества, во всей проблемности, трагичности и неоднозначности существования является главным предметом философского исследования Айтматова, которое можно назвать экзистенциальным.

Экзистенциализм Чингиза Айтматова

Что дает основания причислять Айтматова к писателям экзистенциального направления? Прежде всего необходимо сказать, что экзистенциализм как философское направление получил большую распространенность именно в литературе [Malpas 2012]. Те драматические изгибы внутреннего мира человека, в которых часто гнездятся бессознательные иррациональные импульсы, в большей мере доступны художественной практике, нежели аналитической. И не зря первую высокую оценку повести Ч. Айтматова «Джамиля» дал известный французский писатель Луи Арагон, современник и соотечественник таких ярких фигур философической литературы экзистенциального характера, как Ж.-П. Сартр, А. Камю, Г. Марсель.

Если оставить в стороне классические трактовки экзистенции от С. Кьеркегора до М. Хайдеггера, которые, безусловно, дали бы нам прямую наводку на творчество Айтматова, но, увы, не входят в цели данной статьи, то можно сосредоточиться на том понимании экзистенции, которое можно найти у К. Ясперса. Оно помогает раскрыть литературную деятельность писателя как преимущественно экзистенциальную, поскольку последняя направлена на главное в человеческом бытии – на его смысл.

Послушаем Ясперса, как он говорит об этом в «Разуме и экзистенции». «Экзистенция, – пишет он, – сама никогда не становясь объектом и обликом, несет в себе смысл всякого способа бытия объемлющего. <...> именно здесь проходит как бы та ось, вокруг которой обращается все, что в мире поистине обретает смысл для нас». И далее такое важное заключение: «...без экзистенции все становится как бы пустым, как бы выхолощенным, как бы беспочвенным, все утрачивает свою подлинность, потому что делается нескончаемым рядом масок и всего лишь возможным бытием, или сугубым существованием» [Ясперс 2013: 53, 56].

Таким образом, можно сказать, что экзистенция – это осознаваемое переживание, страдание и самовопрошание человеческого существа, в котором смысл и подлинность совпадают. Это совпадение в традициях русской философии можно назвать нравственным началом человека, основанием правдолюбия и правдоискательства. Подлинность и есть правдоискательство через сострадание, через борьбу с неопределенностью. В этом особенность русского экзистенциализма, для которого характерна прежде всего заостренность на этических аспектах человеческого существования [Асанова 1999].

При философском осмыслении творчества Чингиза Айтматова явно выделяется несколько важных тем, имеющих непосредственное отношение к экзистенциальной философии. Слова Ж.-П. Сартра о том, что «человек – это прежде всего проект, который переживается субъективно, а не мох, не плесень и не цветная капуста» [Сартр 1989: 321], художественно точно отражаются во многих произведениях Ч. Айтматова. Писатель большое внимание уделяет внутреннему миру героев, их размышлениям, страданиям и поиску выхода из абсурдности своего жизненного положения. Писатель и философ Айтматов через национальные формы человеческого бытия раскрывает ранее малоисследованные оттенки экзистенциальных коллизий человеческой души [Варава 2018]. И это, можно сказать, новаторский метод в литературе экзистенциального направления.

Одна из его ярких экзистенциалистских мыслей проявляется уже в первых строках третьей части романа *«Плаха»*: «Люди ищут судьбу, а судьба людей... И катится жизнь по тому кругу... И если верно, что судьба всегда норовит попасть в свою цель, то так оно и случилось и на этот раз. Все произошло на редкость просто и оттого неотвратимо, как рок...».

Здесь опять уместно вспомнить вышеупомянутую работу К. Ясперса, в которой он говорит об определяющем значении С. Кьеркегора и Ф. Ницше для современной философской ситуации, указывая в том числе на *открытие судьбы* в их философии: «Как в ситуации философствования, так и в ситуации действительной жизни человека, – писал К. Ясперс, – Кьеркегор и Ницше выступают как выражение судьбы, которая как таковая тогда еще не была никем замечена» [Ясперс 2013: 12].

Итак, судьба как нить экзистенции есть та тропа, по которой идет сюжетная линия произведений Айтматова, создавая не просто событийный, но экзистенциальный ряд жизненных ситуаций, в которые попадают его герои.

По каким же экзистенциальным тропам движется мыслительный и духовный путь Айтматова?

Основы айтматовского экзистенциализма начинаются формироваться еще в *«Джамиле»*, *«Прощай, Гульсары»* и получают системный характер и развитие в *«Белом пароходе»*. Здесь впервые показывается *детская экзистенция*, если будет уместно приметить такое понятие. «Мальчик понял, что произошло что-то очень плохое. ... Так страшно, так тревожно становилось мальчику, что еда не шла в горло. Хуже нет, когда за обедом люди молчат и думают о чем-то своем, недобром и подозрительном. “Может быть, это мы виноваты?” – мысленно сказал мальчик портфелю. Портфель лежал на подоконнике. Сердце мальчика покатило по полу, вскарабкалось на подоконник, поближе к портфелю, и зашептало с ним» (*«Белый пароход»*).

Художественное видение внутреннего помогает найти писателю те одновременно и образные, и точные слова, которые передают саму суть экзистенциальной ситуации человеческой души. Ч. Айтматов раскрывает сущность экзистенции человека через сравнение с природной катастрофой: «Опасность оползней в том, что катастрофа назревает незаметно, изо дня в день... Обычный обвал совершается внезапно и разом. Оползень же идет грозно, и нет никаких сил, которые могли бы его приостановить...

Нечто подобное может произойти и с человеком, когда остается он один на один со своими неодолимыми противоречиями и мечется, сокрушаясь духом, не смея поведать о том никому, ибо никто на свете не в состоянии ни помочь ему, ни понять. Он об этом знает, это страшит его. И это надвигается на него...» (*«Буранный полустанок»*).

Здесь уместно вспомнить А. Камю. Как известно, в его философской повести *«Посторонний»* главный герой Марсо принимает смерть как избавление, побег от абсурдности внешнего ему мира. Человек, говоря словами А. Камю, в противоречиях, абсурдности условий своей жизни черпает «поводы для веры и надежды в той

безнадежности, когда жизнь предстает как пугающая азбука смерти» [Камю 1990: 404]. Так же поступает и Едигей в «Бурном полустанке», смерть же мальчика как превращение в рыбу в «Белом пароходе» есть отвержение несправедливости и жестокости, поиск своей мечты – белого парохода как ее недостигаемого символа, как вершина горы для Сизифа, куда катит он свой камень.

Вот основная мысль автора, можно сказать, лейтмотив всех его произведений: «Знал ли ты, что никогда не превратишься в рыбу? Что не доплывешь до Иссык-Куля, не увидишь белый пароход и не скажешь ему: “Здравствуй, белый пароход, это я!”? Одно лишь могу сказать теперь – ты отверг то, с чем не мирилась твоя детская душа. Ты прожил, как молния, однажды сверкнувшая и угасшая. А молнии высекаются небом. А небо вечное. И в этом мое утешение. И в том еще, что детская совесть в человеке – как зародыш в зерне, без зародыша зерно не прорастет. И что бы ни ждало нас на свете, правда пребудет вовеки, пока рождаются и умирают люди...» («Белый пароход»).

Важнейшей экзистенциальной задачей писателя является *рассмотрение смерти* как одного из основных принципов человеческого существования. Согласно Отто Ф. Больнову, «речь идет вовсе не об объективном рассмотрении смерти вообще, а исключительно об отношении отдельного человека к своей собственной смерти, о вопросе, что означает смерть в качестве предстоящего конца человеческой жизни для самой этой жизни» [Больнов 1999: 102]. Именно такая установка и характеризует творчество Айтматова, что делает его принадлежащим к экзистенциальной традиции.

Свою экзистенциалистскую философию он четко выражает во внутренних *человеческих* страданиях, в страхе смерти Иисуса в романе «Плаха». «Мама! – прошептал он неслышно. – Мама, если бы ты знала, как мне тяжело! Еще прошлой ночью в Гефсимании на Масличной горе я изнывал, ужасался от тоски, навалившейся, как черная ночь, не находил себе места и, бодрствуя с учениками, все не мог успокоиться и в предчувствии страшном дошел до кровавого пота. И тогда я обратился к Господу, Отцу моему Небесному. “Отче, – сказал я. – О, если бы ты благословил пронести чашу сию мимо меня! Впрочем, не моя воля, но Твоя да будет”. И вот она – чаша сия, до краев полная, не обходит, не минет, приближается неотвратимо, и свершится то, что и ты наверное предвидишь...» («Плаха»).

Смерть у писателя не только аксиологически нейтральная субстанция экзистенции, но нравственный абсолют, перед которым человек отчитывается вне зависимости от его веры или неверия. Как говорит Иисус Понтию Пилату, «для Бога важно, что думает человек перед смертью, и по ним Бог судит о людях, <...> ибо последние из наипоследних мыслей всегда чисты и предельно искренни, и в них одна правда и нет хитрости» («Плаха»).

Если со-положить внутренние коллизии героев «Буранного полустанка» и «Плахи», то можно увидеть многостороннюю экзистенциальную рефлексию Чингиза Айтматова, в которой предстояние перед смертью сопровождается большой внутренней нравственной работой. Такой тип философии не только не уступает произведениям признанных классиков экзистенциальной литературы А. Камю и Ж.-П. Сартра, но по своей тонкости и реалистичности во многом и превосходит ее.

Пожалуй, главное отличие Айтматова от других писателей экзистенциального направления в том, что в его произведениях есть надежда на «белый пароход». Здесь не просто абсурд, вызванный чистым предстоянием перед ужасом смерти, но торжество справедливости и нравственности, достигаемое через прохождения страданий, несправедливости, жестокости.

В произведениях писателя можно встретить позитивную экзистенцию положительных героев, например, деда Момуна, Буранного Едигея, Бостона, а также негативную экзистенцию отрицательных персонажей – Сабитжана, Орозкула, Базарбая и других. Внутренний монолог озлобленного Орозкула можно рассматривать как яркий пример отрицательной экзистенции: «Ух, нет у меня большей власти, не таких бы крутил в бараний рог. Не таких заставил бы ползать в пыли. Дали бы мне хотя бы колхоз или совхоз. Я бы порядок навел. Распустили народ». Здесь мы видим, из каких социально-психологических основ вырастает и на что опирается тиранизм. Это пример того, как негативная личностная экзистенция способствует созданию кошмарной социальной реальности разных масштабов.

Очень значимая тема для Айтматова, имеющая большое нравственное значение, – это историческая память как составная часть его видения экзистенции. Она проходит сквозной нитью через все его произведения, что делает их принадлежащими к традициям русской философской литературы, в которых память – основопола-

гающая ценность и категория. В «Бурном полустанке» Ч. Айтматов в художественной форме исследует заявленное еще в «Белом пароходе» в легенде о Рогатой матери-оленихе понятие исторической памяти в ее разных формах и уровнях. Чингиз Айтматов показывает разные уровни и способы лишения или ограничения человеческой памяти, которая по своей сущности носит общественно-исторический характер и определяет сущность человека. Он пишет, что «раб-манкурт, насильно лишенный памяти», был весьма ценным и для хозяина стоил десяти здоровых невольников. «Манкурт не знал, кто он, откуда родом-племенем, не ведал своего имени, не помнил детства, отца и матери – одним словом, манкурт не осознавал себя человеческим существом» («Бурный полустанок»). Если манкурт – пример физического способа лишения памяти индивида, то социально-политическим способом манкуртизации являются любая форма тоталитаризма и умышленное искажение истории.

Экзистенциальное единство мира животных и человека

Еще одна важная философская мысль в произведениях Ч. Айтматова относится к проблеме ноосферы, взаимоотношениям природы и человека. Это остродраматическая, если не трагическая, тема, обнажающая внутренние коллизии современного человека, который, давно оторвавшись от природного начала, наносит ей невосполнимый ущерб. Отношения с природой далеки от какой бы то ни было гармонии; скорее это месть самой природы за нарушение основополагающих жизненных ценностей человеческого бытия, естественных законов Природы. Так, дед Мамун убивает марала и лишает себя будущего: «рыбой уплывает» его внук; Базарбай похитил волчат, Бостон застрелил Ташчайнара, потерял сына при попытке убить Акбару, затем застрелил Базарбая и сам ушел из жизни.

Чингиз Айтматов, в отличие от Ф. М. Достоевского, А. Камю и К. Гамсуна, *экзистенциальность видит и в животном мире и тем самым раскрывает общую экзистенцию всего живого, экзистенциальное единство человека и природы*. Яркий пример: волчица Акбара в романе «Плаха», лисицы в романе «Бурный полустанок» страдают душой за своих детенышей, ищут выход из безвыходного положения, подобно основным героям этих романов. Раскрывая экзистенциальность животных, Айтматов более ярко демонстрирует всеобщее единство общества и природы, человека и

животного мира. Художественное изображение страданий в мире животных является одним из эффективных средств защиты от варварского отношения человека к природе, о чем пишут М. Ч. Тобиас и Дж. Г. Моррисон: «К сожалению, никакие социологические модели никак не могут быть согласованы с самоуничтожением или крупнейшим вымиранием живого, которое когда-либо происходило во флоре и фауне» [Тобиас, Моррисон 2016: 18]. Творческое мастерство писателя, его глубокие философские интуиции дают увидеть и почувствовать, что экзистенция человеческой души многообразна и определяется внутренней сущностью каждого индивида, гуманный ли он или жестокий, взрослый ли или ребенок.

Заключение

Исследование Ч. Т. Айтматова показывает уникальность его творчества как великого писателя современности, заключающуюся в великолепном синтезе достижений мастеров слова XIX и XX вв.: О. Бальзак, Э. Золя, И. С. Тургенев, Л. Н. Толстой и другие великолепно, тонко и детально описывают свою эпоху, соответствующие характеры ее представителей; В. Гюго, Ч. Диккенс, Дж. Фаулз – раскрывают социально-психологическую интригу; Н. Гоголь, Ф. Достоевский, Г. Гессе, Ф. Саган, К. Гамсун, Г. Маркес, А. Камю, Ж.-П. Сартр – великие исследователи экзистенциального мира человека. Чингиз Айтматов в своих произведениях творчески соединяет все эти стороны литературного мастерства, проявляя тем самым всестороннее знание истории и реальность своей эпохи, своей родины и окружающих его людей, их неповторимый внутренний мир, тончайшие нюансы человеческих переживаний, страданий и ожиданий. Философское исследование приводит к выводу, что гениальное мастерство художественного анализа внутреннего мира возводит его в ранг философов-экзистенциалистов мирового уровня.

Исследование обосновало положение, что экзистенциальность души животных – уникальное открытие Айтматова, она является оригинальным методом борьбы за защиту природы от человеческой жестокости.

Было открыта и проанализирована экзистенциальная философия покаяния, которая прежде всего разрабатывается в романе «Плаха»; ее следует рассматривать как вклад Чингиза Айтматова в философию экзистенциализма. Как пишет писатель и литерату-

ровед Н. Потапов, «творчество Айтматова все шире распахивает перед нами дверь в сферу проблем, от которых зависит социальный и духовный прогресс всех народов земли, завтрашний день планеты» [Потапов 1982: 38]. В этом пророческий и провидческий смысл творчества писателя.

Одним из результатов данного исследования является вывод, что Чингиз Айтматов как великий писатель выступает и как большой философ не абстрактно-кабинетного типа, а как философ-экзистенциалист самой человеческой жизни и души, способный видеть ее глубочайшие противоречия, неизбывный трагизм, но дающий возможность своим читателям видеть свет и надежду. Наш философский анализ приводит к выводу, что философия экзистенциализма свою наиболее адекватную теоретизированную форму развития находит в сугубо академических философских трудах классиков философии экзистенциализма [Спектор 2018]; но свою конкретность, воплощенность в жизнь людей она находит через образы художественных произведений. На основе художественных открытий новых проявлений экзистенциального такими писателями, как К. Гамсун, Г. Г. Маркес, А. Платонов, Ч. Айтматов и другие, философское понимание экзистенциализма получает свое дальнейшее развитие. Таким образом, взаимное дополнение художественного и философского дает системность и полноту в познании феномена экзистенциальности живого.

Литература

Акматалиев А. А., Ыйсаева Н. (сост.). Исследования, статьи, выступления (о творчестве Ч. Айтматова): в 5 т. Бишкек : Kipland, 2010–2018.

Асанова У. Философия кризиса культуры в творчестве Ч. Айтматова // Ч. Айтматов и духовная культура: сб. ст. Бишкек : Илим, 1999. С. 68–81.

Большов О. Ф. Философия экзистенциализма. СПб. : Лань, 1999.

Варава В. В. «Осевое время» русской философии: открытие экзистенции // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. 2018. № 1–2 [Электронный ресурс]. URL: <http://www1.ku-eichstaett.de/ZIMOS/forum/inhaltstruss29.html>.

Гадамер Г.-Г. Философия и поэзия / Г.-Г. Гадамер // Актуальность прекрасного. М. : Искусство, 1991. С. 116–126.

Гачев Г. Чингиз Айтматов в свете мировой культуры. Фрунзе : Адабият, 1989.

Жантаев А. С., Исакбаева З. Т. Труд как ценность в романах Чингиза Айтматова // *Российская наука и образование сегодня: проблемы и перспективы*. 2018. № 3(22). С. 39–42.

Камбарова К. У. Чингиз Айтматов – писатель, философ и гуманист // *Наука, новые технологии и инновации Кыргызстана*. 2018. № 8. С. 121–131.

Камю А. Соч. М. : Изд-во полит. лит-ры, 1990.

Коваленко А. Г. Чингиз Айтматов и русская литература XX века // *Вестник РУДН*. 2015. № 2. С. 37–43.

Мехмет Т. Философский взгляд на добро и зло в повести Чингиза Айтматова «Джамиля» // *Вестник Международного университета Кыргызстана*. 2016. № 2(30). С. 142–144.

Потапов Н. Свет человечности. Предисловие / Ч. Т. Айтматов // *Собр. соч.*: в 3 т. Т. 1. М. : Молодая гвардия, 1982. С. 5–38.

Спектор Д. М. Хайдеггер: вопрос о бытии // *Философия и общество*. 2018. № 4. С. 48–70.

Сааданбеков Ж. Философия Чингиза Айтматова. Бишкек, 2013.

Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм / Ф. Ницше, З. Фрейд, Э. Фромм, А. Камю, Ж.-П. Сартр // *Сумерки богов*. М. : Политиздат, 1989. С. 319–345.

Семенова С. Г. Преодоление трагедии: «Вечные вопросы» в литературе. М. : Советский писатель, 1989.

Семенова С. Г. Метафизика русской литературы: в 2 т. Т. 2. М. : Порог, 2004.

Семенова С. Г. Русская литература XIX–XX веков: От поэтики к миропониманию. М. : Академический проект; Парадигма, 2016.

Сырдыбаева Р. М. Взаимовлияния поэтики творчества Чингиза Айтматова и кыргызского и мирового искусств // *Известия НАН КР*. 2014. № 3–4. С. 63–66.

Тобиас М. Ч., Моррисон Д. Г. Метафизика защиты природы. М. : Проспект, 2016.

Черняк М. А. Чингиз Айтматов десять лет спустя: роман «Когда падают горы (Вечная невеста)» // *Вестник Герценовского университета*. 2014. № 6(44). С. 65–67.

Ясперс К. Разум и экзистенция. М. : Канон+, 2013.

Malpas J. *Existentialism as literature*. Cambridge : Cambridge University Press, 2012.